

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНИЧНОСТИ: РОЛЬ И ЗАДАЧИ МАССМЕДИА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Статья посвящена проблеме социального конструирования этничности при непосредственном взаимодействии представителей различных социумов с массмедиа. В частности, автор делает вывод, что глобализация и интернационализация всех сфер нашей жизни выводят в число наиболее актуальных проблематику полиэтничности как особой формы существования этнического. В литературе при обсуждении данного комплекса проблем, как правило, основное внимание уделяется предложениям по поиску конструктивных решений в сфере политики. Автор статьи утверждает, что сегодня возникла необходимость и в новых научно-методологических подходах к анализу, что предполагает прежде всего поиск путей эффективных решений в информационной сфере. На конкретных примерах также показывается, как реализуется на практике процесс дискурсивного конструирования этничности при посредстве массмедиа.

Ключевые слова: конструкт; этничность; гражданская журналистика; мифологическое сознание; манипуляция; массмедиа; толерантность; стереотип; самоотжествление личности; модель.

Россия, как известно, является одной из самых многонациональных стран мира. В листах переписи 1994 г. фигурировало 176 народов России, после переписи 2010 г. в различных источниках, как правило, указывалась цифра «более 180». Такая расплывчатость в последнем случае была обусловлена двумя факторами: добровольностью отнесения себя отвечающим к той или иной национальности или отказом отвечать на данный вопрос, что также было допустимым. В отчете Федеральной службы государственной статистики (Росстата) по итогам последней столь масштабной переписи населения России отмечается, что «в 2010 г. насчитывалось 22 наиболее многочисленных национальности, численность населения которых превышала 400 тыс. человек, в 2002 г. таких национальностей было 23, а в 1989 г. — 17. В период 1989–2002 гг. в группу наиболее многочисленных национальностей вошли азербайджанцы, даргинцы, кабардинцы, кумыки, якуты и лезгины. ...численность семи национальностей превышает 1 млн человек. ...русское население является наиболее многочисленным (111 млн человек) и составляет 80,9 % общей численности населения» [10, 73].

Показательны и другие цифры. Так, переписью были учтены все варианты самоопределения населения по вопросам родного языка и владения языками в целом. В 2010 г. владение русским языком указали 138 млн человек (99,4 % из числа ответивших на вопрос о владении русским языком; для сравнения:

ОЛЕШКО Владимир Федорович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: Vladimir.Oleshko@usu.ru).

в 2002 г. — 142,6 млн человек, или 99,2 %). Среди других языков наиболее распространенным является (вот может быть для кого-то неожиданность!) — английский язык. Владение им указали 7 млн 574 тыс. наших сограждан (в 2002 г. — 6 млн 955 тыс.). На втором месте — татарский язык (соответственно 4 млн 281 тыс. в 2010 г. и 5 млн 348 тыс. в 2002 г.), далее с заметным отставанием Росстатом указаны (по убывающей, в процентном отношении) — немецкий, чеченский, башкирский, украинский, чувашский языки [10, 78].

Вместе с тем сегодня никто, наверное, не будет спорить по поводу того, что глобализационные процессы, интернационализация всех сфер нашей жизни выводят в число наиболее актуальных прежде всего проблематику полиэтничности как особой формы существования этнического. Полиэтничность — совокупность исторически сложившейся общности людей, «проживающих на определенной территории, обладающих разнородным языком, культурой, национальным самосознанием, иногда принадлежащих к разнорелигиозным группам, но не идентифицирующих себя с гражданами одного и того же политического и экономического единства». По мнению исследователей, следует отличать полиэтничность от многонациональности — «совокупности согражданства людей, обладающих разнородной культурой, различным языком, иногда принадлежащих к разноконфессиональным группам, но проживающих на определенной территории, характеризующейся единством внешней и внутренней политики, а также тесными экономическими связями» [3, 8].

Данного рода уточнение тем более важно, что в России, в отличие от других государств, к примеру от Австралии или США, где представители разных этносов, национальностей имеют свою прародину и при желании для них вполне реальна реэмиграция (что и имело место в определенные исторические периоды), большинство народов являются коренными жителями. Проблема поиска новой российской идентичности, особо актуализировавшаяся после распада СССР, а также проблема роста межэтнической напряженности в современной России, обусловленная в том числе внешнеполитическими, экономическими и миграционными процессами, находят выражение в многоаспектном обсуждении научным сообществом и общественностью. В частности, это находило и находит выражение в коллективном поиске общенациональной идеи и ее выражения в той или иной идеологии. Достаточно вспомнить самые разнообразные предлагаемые версии: от «евразийской модели» до разнополярных «западной либеральной» и почвенической, сугубо «русской идеи». А. И. Солженицын между тем выдвигал и, скажем так, переходный вариант — собрать по миру разлетевшихся сыновей земли Русской. Хотя нужно иметь в виду, что в политологическом сообществе есть и принципиально иная точка зрения на эту проблему: «...при всех попытках элит опереться на некие “духовные скрепы”, последние неизменно ориентированы на консервацию отсталости в виде архаических рассуждений об аутентичных традиционных, исторических и национальных ценностях, совершенно не затрагивающих актуальный политический порядок и капиталистическую реальность» [5, 97].

Между тем, как нам кажется, до сих пор при обсуждении данного комплекса проблем основное внимание уделяется прежде всего предложениям

по поиску конструктивных решений в сфере политики. Это, безусловно, наиболее ожидаемый путь, но ведь процесс формирования нового типа этноса — российской нации далеко не завершённый, как мы отмечали, развивающийся весьма противоречиво и, главное, — осложняющийся полной открытостью информационных границ современного российского общества. Осложняющийся не в смысле «плохо, что это так», а в смысле «это требует принципиально новых конструктов при реализации государственной политики в сфере масс-медиа».

Ведь сегодня массмедиа являются не только информационным ресурсом, позволяющим своевременно информировать граждан по всем жизненно важным вопросам общества, решать задачи просветительского, воспитательного, рекреационного и т. д. характера, но и в идеале — площадкой (каналом, средством) для представления всего спектра и развития различного рода инициатив активных представителей тех или иных социумов. Но вот парадокс: сегодня эти задачи, причем практически без каких-либо ограничений со стороны общественных институтов и в режиме реального времени, могут осуществлять как индивидуальные пользователи Глобальной сети, так и маскирующиеся под них иные субъекты информационной деятельности. Если при этом не нарушаются конституционные нормы и законодательство, то такого рода деятельность становится системной и является, как свидетельствует практика последних лет, серьезной конкурентной средой для традиционных СМИ и сетевых изданий.

Следовательно, такого рода информационная деятельность, именуемая чаще всего как гражданская журналистика (*civic journalism*), стала сегодня, наряду с массмедиа, в условиях перманентного развития и совершенствования технологий трансляции различных видов информации одним из важных факторов развития конвентивных (договорных) и коммуникационных (диалоговых) стратегий¹. В научно-теоретическом контексте под гражданской журналистикой, по мнению экспертов, понимается направление системно реализуемой информационной деятельности, которое ставит целью развитие общественных инициатив и содействие росту гражданского потенциала личности, а также способствует формированию на демократических принципах местного или иного сообщества. Причем таковым является и информационное сообщество, привычнее сказать — та или иная аудиторная группа. Ведь, к примеру, число читателей текстов активного блогера может исчисляться сотнями, даже тысячами. Вместе с тем существует точка зрения, что гражданская журналистика — это не что иное, как вид увлечения, получивший широкое распространение с развитием Интернета и новых цифровых технологий, и этому увлечению посвящают свое свободное время люди разных профессий.

---

¹ См. [8]. Несколько иной аспект данной проблематики — роль СМИ и социальных сетей как акторов политических действий, привлекая новейший эмпирический материал, рассматривает в своей диссертации Ю. А. Ильчева: *СМИ в мобилизационных технологиях: цели, функции, политические последствия* : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.

Следует признать, что развитие данного вида взаимосвязей индивидуальных коммуникаторов и их аудитории, безусловно, предопределило перманентно растущее влияние Интернета не только как источника новостей, но и способа выразить свое мнение по поводу волнующих тебя событий. Социологи Левада-центра еще два года назад [23] отметили характерную тенденцию: около четверти опрошенных используют Сеть в первую очередь для отслеживания новостей. Однако возрастание количества таких респондентов было обусловлено прежде всего ростом политической активности граждан и публичными мероприятиями политического характера. Причем, по мнению социологов, желание «виртуально выговориться» или «получить информацию из первых рук, а не опосредованно» является в данном случае определяющим.

Все вышесказанное свидетельствует, на наш взгляд, о том, что не только межкультурные коммуникации и социальные коммуникации в целом, но и процесс межэтнических отношений различных групп сегодня во многом определяются характером, содержанием, а также интенсивностью информационного обмена. Достаточно вспомнить ситуации, когда публикации массмедиа или те или иные информационные сообщения в СМИ или в Глобальной сети могли буквально взорвать общество, а в некоторых случаях даже разделить его на «своих» и «чужих». Обратимся к недавним событиям.

Депутат Калининградской областной думы от партии «Единая Россия» Олег Большчев назвал своих коллег по парламенту Соломона Гинзбурга и Арсения Махлова *«евреями, засевшими в оппозиции»*, к тому же попутно обвинив их в организации Октябрьской революции, а затем и распада СССР. Как сообщает Newsru.com, инцидент произошел во время пленарного заседания 6 февраля 2014 г., был выложен на «Ютубе». *«В Российском еврейском конгрессе высказывания парламентария посчитали проявлением антисемитизма. Представители конгресса заявили, что демарш Большчева характеризует его как маргинального политика, а заявление депутата идет вразрез с позицией руководства области»* [11].

Примерно в эти же дни, как свидетельствовала «Газета.Ru» [24], лидер фракции «Единая Россия» в Госдуме Владимир Васильев призвал радиостанцию «Эхо Москвы» извиниться за «фашистские» высказывания ведущего Виктора Шендеровича о зимней Олимпиаде в Сочи. Суть в том, что в блоге на сайте «Эха Москвы», говоря о Сочи-2014, Шендерович, в частности, вспомнил Олимпиаду в Берлине летом 1936 г. и победу толкателя ядра Ханса Вельке — «первого немецкого чемпиона в легкой атлетике». *«Мы уже имеем одну кампанию, которая взывает к общественному мнению, мы имеем ситуацию с “Дождем”, сейчас на “Эхе” прозвучала информация, за которую, мне кажется, придется извиняться»*, — подчеркнул Васильев.

Редактор отдела репортажа «Русского репортера» Андрей Молодых, по сути, спроецировав подобного рода «дискуссии» на массовые действия в Украине, на примере формирования отношения к пролившейся крови на майдане назвал вещи своими именами: *«Нам не по 16 лет, и с образованием все в порядке. Мы просто в какой-то момент в своих спорах перестали принимать в расчет*

ценности цивилизации: закон, переговоры, власть и прочую никому не нужную ерунду. Зачем? Сейчас важнее другое: зов крови, закон джунглей. ...я точно знаю, как называется каша в моей голове. Мифологическое сознание. Это когда мир вокруг описывается не законами науки и цивилизации, а вульгарными представлениями о бытии» [6, 10].

Вопрос о том, кто формирует мифологическое сознание, можно считать риторическим. На митинги, собрания, любые другие формы прямого контакта с носителями той или иной информации выходят далеко не все. А СМИ и Интернет — вот они, рядом. И порой так доступно все раскладывают по полочкам. Только почему потом в голове оказывается та самая «каша»?

Безусловно, особенно тревожными выглядят как вышеописанные, так и любые другие подобные ситуации во взаимосвязи с темой воспитания толерантности, принятия чужой инаковости в нашем обществе. А проблема межэтнических отношений — она к тому же почти в прямом смысле взрывоопасна. Но новейшая практика актуализирует и проблему, которую можно обозначить как информационно-психологическую репрессивность и которую при определенных условиях могут реализовать массмедиа. Мы уже писали о том, что «возникающий при этом “эффект влияния толпы” или “группового давления” побуждает индивида к действиям активным, но не всегда четко осознаваемым. Все это дает возможность довольно легко развернуть их в сторону асоциальности, диапазон которой довольно широк: от обычного бытового хулиганства — до антиконституционных действий с элементами убежденности в истинности предложенной кем-то альтернативной псевдоидеологической платформы. Кроме того, любые системно транслирующиеся внешние воздействия манипулятивного характера, как известно, в конечном итоге могут приводить также к кризису индивидуальной субъектности личности» [8, 32].

Дискурсивное конструирование этничности, а также понимание этничности как социально сконструированного маркера различий, организующего и объясняющего характер социальных взаимодействий, характеризует в современной социологии и политологии системное представление о данном явлении [27, 211–236]. При этом нужно учитывать и тот факт, что, по мнению ряда исследователей, растущая потребность тех или иных социальных групп в изменениях нередко «наталкивается на доминирующие ценности домодерного презентизма как нежелания выйти за пределы настоящего даже в социальном воображении и политической утопии. Любое *социальное конструирование* (выделено мной. — В. О.) интерпретируется антимодерными социальными силами как призыв к разрушению социального порядка» [5, 92].

Однако системный анализ показывает, что роль и функциональные особенности массмедиа как формирующего субъекта в работах по данной тематике чаще всего отдельно не выделяются, а присутствуют, что называется, «по умолчанию». Вместе с тем исследования представителей уральской школы журналистики по моделированию массово-коммуникационной деятельности, отслеживанию процесса формирования и развития профессиональной культуры журналистов [9] свидетельствуют, что именно массмедиа чаще всего

являются одним из главных механизмов, лежащих в основе активизации социальной природы тех или иных характеристик личности, отдельных групп или социумов в целом. По всей вероятности, это можно отнести и к этничности как одному из системообразующих свойств той или иной этнической общности. Рассмотрим в данном контексте массмедиа, выполняющие роль социального конструкта, «притягивающего» информацию, или своего рода силовых «полей», в которых он функционирует.

Если воспользоваться типичным для современной социологии конструктом анализа этничности [4, 26–34], то он должен включать в себя три основных элемента: построение этнических границ, дискурсивное конструирование этничности и повседневные практики. Но, как свидетельствует новейший массово-коммуникационный опыт, в отношении описания в этом процессе роли массмедиа с непреложностью следует рассматривать, на наш взгляд, и четвертый элемент — межкультурное самоотождествление личности как показатель ее психосоциального благополучия. Обратимся к примерам.

Этнические границы как социальная категория и индикатор этнических различий обладают, как известно, символической природой и наполняются реальным содержанием или даже неким смыслом лишь в том случае, если воспринимаются как значимые для индивида или группы. Поиск индивидуального, идентифицирующего/типизирующего данную группу, нередко является отражением стратегии, реализующей деление окружающих тебя людей на «своих» и «чужих». Как мы уже отмечали, массмедиа в ряде случаев являются своего рода катализатором данного процесса.

Приведем простой пример. В газете «Завтра», на страницах которой можно найти немало примеров реализации данного рода стратегии, журналист Галина Иванкина, полемизируя с Ариной Холиной, озаглавившей свой текст на сайте журнала «Сноб» недвусмысленно «Свои и чужие. Омерзительная расплата» [21], пишет:

Как еще можно распознать Чужого? Он всегда называет Россию — Рашкой, причем вне зависимости от общественного строя. Она у него и при Петре Великом — тоже Рашка, ибо Чужой ненавидит всякую власть. Тем не менее Чужой чаще всего смакует эстетику Третьего рейха и признает ее «жестокий эротизм» и «завораживающую брутальность», а если речь заходит о противостоянии Германия VS СССР, то он непременно выдаст: «По сути, Гитлер и Сталин были одинаковы, но у Гитлера было на порядок цивилизованней и намного красивей». Чужому нравится декадентское разложение в духе «Ночного портье», откуда он и черпает свои гнилые грезы о Третьем рейхе. Чужой ненавидит любую крепкую общность — он считает ее толпой, ибо сам он — эксклюзивное изделие, не ширпотреб, а индпошив. Он — это «кино не для всех» и концептуально читиво. Чужой обожает Я и презирает МЫ (*Чужие и свои // Завтра. 2013. 5 нояб.*).

Можно предположить, что колумнист «Сноба» представила на суд читателей (а в день обращения мы обнаружили, что данный текст просмотрели, судя по счетчику, около 160 тыс. человек) некий идеологизированный манифест. На самом деле автор написала достаточно субъективизированное эссе с рядом зарисовок «с натуры». Правда, в тексте Ариной Холиной была использована

именно та лексика, которая вызвала у оппонента пафосные обвинения и выводы глобального масштаба:

Никто не бывает немного беременным или немного расистом. Если человек, условно, «не понимает» Кандинского — он сразу из тех, Чужих, которые с постерами кошечек на кухне. И которые все зло видят в дворниках-таджиках. Иногда мы сами оказываемся теми, кто приводит в свой круг людей, которые способны заявить, что «геи должны сидеть дома и не отсвечивать». ...лучше не допускать Чужих слишком близко. Они хваткие. Это про них «дашь палец — руку откусит». Не успеешь оглянуться — и ты уже «уважаешь их мнение». Но знаете? К черту. Пусть делятся своим уникальным мнением сами с собой. Пусть женятся, размножаются и дружат с себе подобными.

Именно обобщения на уровне «мы» и «они» и вызвали столь неоднозначное восприятие журналистом данного текста, выразимся так: с обидой «за все Отечество».

К слову, в период проведения зимних Олимпийских игр в Сочи журналисты даже придумали и затем активно использовали термин «свои-чужие» чемпионы игр. Они имели в виду прежде всего тех, кто были родом или начинал спортивный путь в России, но медали завоевали, будучи гражданами другой страны, например, Белоруссии и Словакии, как биатлонистки Д. Домрачева и А. Кузьмина.

Специалисты Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук еще несколько лет назад в ходе проведения масштабного социологического исследования пришли к выводу, что «современные СМИ, благодаря растущим возможностям виртуального воздействия на сознание и подсознание массовой аудитории, предлагают обществу готовые ценностно-смысловые и поведенческие модели. Эти модели могут консолидировать общество, достаточно эффективно снимать социальную напряженность и стрессовые психологические нагрузки, но могут и подрывать позитивную консолидацию и психологическую устойчивость социума путем создания и продвижения в массы образов врага, расщепления эмоций зрителей, слушателей, читателей до уровня простейших, взвинчивания агрессивных настроений толпы» [19].

Пример с олимпийскими чемпионами, конечно же, иного порядка. Да и прямая этническая конфликтогенность, в силу того, что этому аспекту деятельности СМИ на правовом и этическом уровнях в последние годы уделялось и уделяется Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Союзом журналистов России достаточно большое внимание, стала не характерна для повседневной практики. И неполиткорректные «ляпы», и прямые и косвенные обвинения, построенные в том числе на принадлежности субъекта критики к тому или иному этносу, как правило, ушли в прошлое. Вместе с тем в профессиональном журналистском сообществе в последнее время широкий резонанс получили обсуждения публикаций, в которых речь идет как раз о том, что этнические границы зачастую заменяются сегодня псевдоэтическими, по принципу «тот, кто не с нами, тот...». Журналист «Новой газеты» О. Тимофеева в беседе

с заместителем главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» О. Королёвой так формулирует главный тезис, с которого начинается интервью:

Слова всегда были метками, по которым люди опознавали «своих и чужих». Но еще не так давно «свой и чужие» вступали в словесную полемику, выясняя смысл сказанного, сейчас ответом на любое высказывание оппонента становится попытка его уничтожения — прекратить вещание, уволить, приговорить к штрафу, побить в подворотне [13].

Собеседница, к слову, автор и ведущая программ «Говорим по-русски», кандидат филологических наук, ответ находит отнюдь не в плоскости языкознания:

Что это за внезапная, на грани помешательства, фокусировка на словах и дискуссиях, которые до недавнего времени были в порядке вещей? Что за ней стоит? У меня есть предположение, довольно простое. За такими реакциями обычно скрывается страх — страх, что произнесены будут совсем другие слова, гораздо более болезненные для тех, кто сейчас пытается запретить дискуссии...

На наш взгляд, в данном случае речь может идти также о проблеме **дискурсивного конструирования этничности**. Элиты, согласно описаниям моделей властного дискурса по П. Бурдьё и Т. А. Ван Дейку, несут полную ответственность за производство, развитие и всяческое поддержание действующих социальных конструкторов. Но властный и повседневный дискурсы нередко как бы вступают в противоречие на уровне публичного обсуждения тех или иных законодательных инициатив властных структур различного уровня, по крайней мере, при опубликовании в массмедиа. Под дискурсом мы в данном случае понимаем деятельностьную составляющую языкового поля, т. е. не только то, *что* и *как* говорится, но и *с каким эффектом* это воздействует на аудиторию.

Только один пример. Власти Екатеринбурга, выполняя распоряжения вышестоящих органов, распространили через СМИ под заголовком «Водителей-гастарбайтеров в России заставят заново сдавать на права» следующую информацию:

Автомобилисты, которые получили водительские права в своем государстве, будут обязаны сдать экзамен заново: как теорию, так и практику, пишет сегодня «Российская газета». Соответствующие поправки к закону о безопасности дорожного движения уже направлены в Государственно-правовое управление президента, а после утверждения проект будет вынесен на рассмотрение депутатов Государственной думы. Отметим, что запретить гастарбайтерам ездить по национальным водительским правам ранее предлагали члены либерально-демократической партии России. Сторонники Жириновского уверены, что в случае принятия данного запрета дороги будут очищены «от низкоквалифицированных водителей, севших за руль автобусов и маршрутных такси [12].

Общественное мнение, как мы выяснили на основании анализа 128 сообщений на форумах ведущих СМИ и сетевых изданий города в тот период, информацию об очищении дорог «от низкоквалифицированных водителей» восприняло с одобрением. Но вот парадокс: проходит ровно 11 месяцев, и

информационные агентства вновь распространяют информацию на данную тему, но ее содержание, основанное на пресс-релизе ГИБДД, весьма туманно:

Водители-мигранты маршруток сейчас сдают экзамены в свердловской ГИБДД. Как объяснили «URA.Ru» в ведомстве, пока иностранцы сдают только теорию. «Согласно распоряжению из Москвы, они сдают у нас теорию по заявкам из транспортных организаций. На этом все. Эти результаты экзаменов остаются у нас. Однако после этого они удостоверения наши не получают. Сейчас, чтобы получить права, им нужно сдать теорию и два этапа практического экзамена. Удостоверение им будет выдаваться на срок действия их регистрации» [22].

Ясность наступает, когда обнаруживаешь логическую сообразность данного решения административных органов:

После того, как вчера многие транспортные компании не выпустили на линию около 50 % маршруток с иностранными водителями, с руководителями провели разъяснительную работу. Им объяснили, что запрет на управление общественным транспортом без российских прав вступит в силу лишь в мае 2014 года. Сегодня никаких сложностей у жителей дальних районов не возникло: в рейс вышли все водители [22].

На основании этих и ряда других текстов подобного характера можно сделать вывод о том, что та или иная группа или лица, обладающие властью, имеют возможность при посредстве массмедиа не только конструировать социальные репрезентанты и некие символы, свидетельствующие о реализации управленческих решений, но и в случае столкновения с неучтенными реалиями повседневной жизни социума — контролировать последствия публичного дискурса. Другое дело, что вышеописанные реалии, едва не приведшие к транспортному коллапсу больших городов, можно было не только спрогнозировать, но и предупредить, если бы обсуждение данной проблематики было вовремя перенесено из коридоров власти в СМИ, а возможно и на площадки гражданской журналистики. Другое дело, что в условиях, когда массмедиа в силу ряда объективных и субъективных причин не обладают сегодня соответствующим статусом, результативность такого обсуждения была бы весьма невысокой. Ведь невозможно отрицать очевидное — дискурсивное производство большинства конструктов, конечно же, находится в институциональном поле. Российская же журналистика как социальный институт чаще всего оперирует материалом повседневных практик.

Как известно, *повседневные практики* для массмедиа являются не чем иным, как проявлением, а в ряде случаев и следствием реальных процессов конструирования многих социальных маркеров, в том числе и этничности. Причем при этом на основании системно сконструированных информационных потоков может происходить изменение тех или иных социальных практик по отношению как к субъектам, так и к объектам данного рода деятельности. Причем, к примеру, крупнейший английский социолог и политолог Э. Гидденс считает, что устоявшиеся, типичные образцы социального поведения детерминированы самим социальным воспроизводством, его рутинной [25]. Рутинная же в его понимании — социальные практики, основанные на бездумном характере повседневного взаимодействия. Другие исследователи, в част-

ности П. Эссед, позднее доказали, что рутинные значения и смыслы практик нередко воспринимаются индивидами или даже целыми группами как существенные, неоспоримые в той или иной системе культурных норм, ожиданий.

В идеале поведение любого человека, в том числе и массово-коммуникационное на уровне отбора информации для восприятия и дальнейшей интериоризации, должны определять знания, убеждения, мировоззренческие ценности и т. д., т. е. те когнитивные механизмы, которые в дальнейшем интегрируются в социальные взаимодействия и отражаются в поведении индивида или группы. Реальная же практика свидетельствует, что одним из важнейших индикаторов этничности как социального конструкта являются стереотипы. Поэтому, убеждены эксперты [4], изучение стереотипов — один из подходов именно дискурсивного системного исследования проблематики социальной природы этничности. Стереотипы же, по их мнению, не только детерминируют восприятие объектов чужой культуры или группы, но и как бы предлагают для восприятия и интериоризации упрощенные и оценочно однозначные образы. Как элементы общего знания/здорового смысла стереотипные представления, как правило, разделяются многими членами той или иной группы. В таком качестве они функционируют как проводники знания либо через них выражаются свойства социального конструкта этничности.

Причем стереотипы мышления сегодня чаще всего используются в контексте манипулирования аудиторией массмедиа при помощи новейших технологий. В массовое сознание они внедряются при помощи различного рода способов и приемов. К ним относится, к примеру, конструирование информационных мифов. Последние мы определяем как взаимосвязь, наделение тех или иных реальных событий, конфликтных ситуаций, процессов и массмедийных персон мифологическими, а нередко и псевдомифологическими чертами. Образно говоря, это идеализация или дьяволизация тех или иных фактов. Массмедиа в таком случае усиливают влияние на область бессознательно-го и в результате — на массовое сознание и поведение представителей того или иного социума или конкретного человека [1, 36–52]. Использование стереотипов и мифов в интересах информационно-психологического воздействия является одним из важных аспектов, которые имеют отношение к проблемам конструирования социальной реальности, а также, конечно, манипулирования сознанием.

Этнические стереотипы можно подразделить на два вида: автостереотипы и гетеростереотипы.

Автостереотипы включают в себя мнения, суждения, оценки, относимые к той или иной этнической общности ее представителями. Как правило, автостереотипы содержат комплекс положительных оценок, правда, нередко выражаемых в шутливой, самоироничной форме. Типичные примеры их использования можно привести из любого СМИ. Вот, к примеру, один из них:

В поздравлении депутата Тюменской областной думы, писателя Сергея Козлова, в частности, отмечено: «Говорят, что русские медленно запрягают, но быстро ездят. 2014 год — год лошади. Пусть это символично, но желаю всем нам наконец-то запрячь и поехать, обгоняя всех. Главное — в правильном направлении и по хорошим дорогам!» 18].

Примечательно, что, проанализировав тексты российских массмедиа за несколько месяцев, в частности, за февраль 2014 г., мы обнаружили, что в период проведения Олимпийских игр в Сочи также наиболее часто в заголовках и в разножанровом контенте обыгрывался именно вышеприведенный стереотип (было выявлено более ста случаев его употребления).

Гетеростереотипы являют собой уже совокупность не нейтрально преподносимых или в той или иной мере завуалированных, а конкретных оценочных суждений, выносимых о других народах представителями данной этнической общности. Причем они могут быть как положительными, так и отрицательными, в зависимости от исторического опыта взаимодействия данных народов. В качестве примера можно привести следующий красноречивый (по мнению автора) заголовок публикации: *«Хитрые хохлы и хитрые евреи — для России это давно не актуально. Китайцы похитрее будут»* [17]. Журналисты газеты «Новости Югры» в лирической подводке к первополосной публикации на актуальную для северян тему погодных превратностей обратились вдруг, что называется, ни к селу ни к городу, к данному стереотипу: *«Этой зимой многие руководители российских регионов жаловались на “неожиданно” пришедшие морозы, снегопады, гололедицу. А незваный гость, как известно, хуже татарина, тем более, если с ним (? — В. О.) появляются дорожные пробки, аварии и человеческие жертвы (? — В. О.)»* [7]. Скандал совсем недавно вызвало и публичное заявление, основой которого был следующий гетеростереотип: *«Глава московского землячества крымских татар Эрнст Кудусов публично назвал русских “потомственными рабами”. Соответствующее заявление Кудусов сделал в ходе своего выступления в эфире Общественного телевидения России»* [16].

Но с большей долей вероятности в качестве самого яркого примера наиболее часто использовавшегося в конце XX — начале XXI в. этностереотипа можно привести устойчивое словосочетание «лица кавказской национальности», лидировавшее в тот период в разделах, где в контенте средств массовой информации были представлены описания этнических конфликтов и криминальной хроники. В настоящее время в профессиональных стандартах деятельности и внутриредакционных требованиях подавляющего большинства российских СМИ чаще всего, что называется, «по умолчанию» заложены основы толерантного отношения к представителям различных этносов. Не последнюю роль в этом сыграл и факт ужесточения требований к текстам данного характера Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. К тому же профессиональное сообщество в лице Союза журналистов России выступило с инициативой, и 31 января 2013 г. прошла учредительная конференция Всероссийского конгресса этножурналистов (ВКЭЖ) «Культура мира». В рамках его деятельности было предложено проводить обучающие семинары, профессиональные конкурсы для журналистов, дни национальной прессы, праздники этнических газет и журналов, презентации книг, фильмов и т. д. Примечательно, что руководитель оргкомитета ВКЭЖ Джамиль Садыхбеков предложил также учредить «антипремию» для журналистов, пишущих о межнациональных отношениях.

Общественный деятель отметил, что она могла бы называться «черное перо» или «ржавое перо». «Проводить мониторинг среди журналистов, которые разжигают межнациональную рознь, чтобы вся страна знала, чем они занимаются!», — добавил он [15].

Важную просветительскую роль позднее, на наш взгляд, сыграла и успешная реализация совместного проекта Союза журналистов России и Института многообразия СМИ (Великобритания) для региональных журналистов. В одном из раздаточных материалов для них было прямое обращение и по поводу стереотипов: «Ваша роль заключается не в распространении расистских стереотипов, служении рупором для одной из сторон или тиражировании неподтвержденных слухов, которые могут подстегнуть экстремистские настроения. Преданы и солидарны вы должны быть своей аудитории, которой необходимо представить наиболее исчерпывающую и точную информацию» [20].

Четвертый элемент — *межкультурное самоотожествление личности*, которое, как мы отмечали, можно рассматривать прежде всего в качестве одного из важнейших показателей ее психосоциального благополучия.

В науке данный термин определяется как «психологический процесс, посредством которого субъект присваивает себе свойства, качества, атрибуты другого человека и преобразует себя — целиком или частично — по его образу. Построение и обособление личности осуществляется посредством (само)отождествлений» [14]. Самоотождествление (в нашем контексте — соотнесение себя с представителем того или иного этноса) может быть затруднено прежде всего из-за проблем межкультурного характера. Одной из них, по мнению экспертов, является проблема низкого уровня межкультурной компетенции личности. Межкультурная компетенция в идеале обуславливается отсутствием языковых барьеров, знаниями страноведческого или регионоведческого характера, определенных фактов культуры, а также чаще всего включает некий социальный опыт и определенные умения, без которых затруднено понимание действий или поведения человека, живущего в иной культуре. Как нам кажется, современная практика предполагает наличие в числе данного рода характеристик моделей коммуникативных действий и их интерпретаций. Ведь толерантность/интолерантность личности как форма принятия/непринятия чужой инаковости, терпимость/нетерпимость к разнообразию и готовность/неготовность подвергать сомнению некоторые собственные представления и нормы, принятые в твоем ближайшем окружении, характеризуют индивида не только (или даже не столько) в повседневном бытии.

Любопытна в данном контексте точка зрения Е. Филлипс, которая в научной статье [26, 8–13] использовала очень яркие метафоры. Автор, в частности, убеждена, что изучение языка и страноведения без изучения основ мировоззрения представителей изучаемой культуры подобно взгляду на мир одним глазом. Но в процесс формирования картины мира у любого индивида, как, впрочем, и у представителей тех или иных социумов, сегодня включены не только профессиональные журналисты, но и коммуникаторы других типов, в том числе, разумеется, и представители интернет-сообщества. Следовательно, как мы уже не раз отмечали, парадигма развития информационной культуры

общества в целом и профессиональной культуры журналиста в частности предполагает их тесную взаимосвязь. Ведь новейшая практика постоянно ставит перед специалистами массмедиа новые задачи. Они обусловлены как развитием и перманентным совершенствованием технологий, так и все расширяющимися возможностями практически любого человека в получении информации.

Вместе с тем исследователи, в частности профессор Ю. М. Ершов, с тревогой отмечают, что «проблема монополии на информацию и цензуры является для России критически важной при переходе к более конкурентному экономическому укладу. В условиях олигархической экономики и системной коррупции, основанной на переплетении власти и собственности, надо признать, что у нас нет никаких рычагов для борьбы с этим злом, кроме свободы прессы и демонаполизации информационных рынков. Проблема эта слишком глубока, и административно урегулировать ситуацию вряд ли удастся. Хвост... неизбежно будет вертеть собакой. СМИ необходимо *моделировать* (выделено нами. — В. О.) в соответствии с задачами дня, но еще важнее — с задачами XXI века» [2, 88].

Следовательно, профессиональная медиатеятельность требует от коммуникаторов активной жизненной позиции, при том информационно и, самое главное, творчески (небанально, нестереотипно) выраженной в том или ином продукте данного рода деятельности. Ведь сами по себе новейшие технологии передачи информации — это всего лишь канал, и не более того. Контент той же Глобальной сети нередко на 90 % состоит из репостов. А вот убедить коммуниканта принять точку зрения другого человека, поучаствовать в дискуссии на страницах печатных СМИ, сетевых изданий, в эфире телевидения или радио, просто задуматься, наконец, над тем, как без проявления агрессии или, не дай бог, рукоприкладства и крови разрешить актуальную общественную проблему, — значит сделать первый шаг к тому, что можно обозначить как вклад в формирование толерантного отношения к окружающим тебя людям. В случае же с социальным конструированием этничности при посредстве массмедиа это вдвойне актуально и, как свидетельствуют события последнего времени, первостепенно важно.

---

1. *Витужникова Г. М., Олешко В. Ф.* Манипулятивные приемы и технологии современной рекламы (на примере репрезентации лекарственных средств и медицинских услуг) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 4 (119). С. 36–51.

2. *Ершов Ю. М.* Глобализация и моделирование национальных медиасистем // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. Вып. 2. С. 81–88.

3. *Кищенко Р. Н.* Полиэтничность России как предмет философского анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2003.

4. *Краснопольская И. И., Солодова Г. С.* Социальное конструирование этничности // Социс. 2013. № 12. С. 26–34.

5. *Мартыанов В. С.* Глобальный модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // Полис. 2014. № 1. С. 83–98.

6. *Молодых А.* Только зов крови, только хардкор // Рус. репортер. 2014. № 4 (332). С. 10.

7. Новости Югры : еженед. общ.-полит. газ. Ханты-Манс. автоном. округа — Югры. 2013. 31 янв. С. 1.
8. Олешко В. Ф. Мобильные возможности гражданской журналистики // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. : 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 2 (101). С. 31–39.
9. Профессиональная культура журналиста: актуальные проблемы образования : сб. ст. и материалов. Екатеринбург, 2011. 352 с.
10. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М., 2012.
11. [Электронный ресурс]. URL: <http://forum-msk.org/material/news/10232824.html> (дата обращения: 14.02.2014).
12. [Электронный ресурс]. URL: <http://66.ru/auto/news/132045/> (дата обращения: 13.02.2013).
13. [Электронный ресурс]. URL: http://8624.vps.hc.ru/_news/5208/#.UwR8fUq0M2w (дата обращения: 17.03.2014).
14. [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com/enc_psy/Samootozhdestvlenie-23869.html (дата обращения: 18.03.2014).
15. [Электронный ресурс]. URL: <http://nazaccent.ru/content/6657-soyuz-zhurnalistov-rossii-uchredil-kongress-etnozhurnalistov.html> (дата обращения: 24.02.2014).
16. [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1770039.html#ixzz2u1kvR4Ya> (дата обращения: 23.02.2014).
17. [Электронный ресурс]. URL: <http://sever-strasti.net/2013/10/21/xitrye-xoxly-i-xitrye-evreidlya-rossii-eto-davno-ne-aktualno-kitajcy-poxitree-budut/> (дата обращения: 13.02.2014).
18. [Электронный ресурс]. URL: <http://tumen.bezformata.ru/listnews/neftegaz-s-novim-godom-i-rozhdestvom/16651027/> (дата обращения: 17.03.2014).
19. [Электронный ресурс]. URL: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1101820840.html (дата обращения: 11.03.2014).
20. [Электронный ресурс]. URL: http://www.media-diversity.org/en/index.php?option=com_content&view (дата обращения: 17.02.2014).
21. [Электронный ресурс]. URL: http://www.snob.ru/profile/9723/blog/66998#comment_666130 (дата обращения: 11.03.2014).
22. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uralweb.ru/news/society/417392.html> (дата обращения: 13.03.2013).
23. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2012/04/02_kz_4117837.shtml (дата обращения: 11.04.2012).
24. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru> : (дата обращения: 11.02.2014).
25. Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987. Ch. 2. P. 22–51.
26. Phillips E. IC? I see! ...Assessing Intercultural Competence in Language Teaching // Sprogforum. 2001. Vol. 6, № 18. P. 8–13.
27. Tilly Ch. Social Boundary Mechanism // Philosophy of the Social Sciences. 2004. Vol. 34, № 2. P. 211–236.

Статья поступила в редакцию 24.03.2014 г.